

Именуемый мисбах / новелла

Category: Nekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Именуемый мисбах / новелла ИМЕНУЕМЫЙ МИСБАХ

Случилось, я поверил одной великолепнейшей женщине, столь великолепнейшей, что при нашем появлении в обществе все мужчины – и особенно мои друзья – вперили в нее свои орлиные взоры, а женщины, те из них, кто относился ко мне благожелательно, тайком меня поздравили. Я поверил этой великолепнейшей даже тогда, когда она сказала про деградацию русского мужчины.

– А какой сейчас русский мужчина, вы знаете сами! – сказала она обыденно, между прочим и с легкой печалью, за которой я увидел твердую убежденность. – Но, – прибавила она, – к вам это не относится!

Я ей поверил, хотя не понял, за какие качества она вычленила меня из всего остального нашего брата. Я поверил и тотчас же был ею наказан, ибо, по женской логике, верить в это я не имел права.

Я и в другой раз поверил – другой женщине. Или, вернее, я сначала поверил другой женщине, а уж потом великолепнейшей, потому что именно другая женщина нас познакомила. На вернисаже очень известного художника она подвела великолепнейшую к нам в круг и представила именно мне, хотя, бесспорно, все в нашем кругу были гораздо достойнее меня в качестве объекта ее представления. Но она представила великолепнейшую именно мне, и потом некто передавал, будто до представления успела нашептать великолепнейшей обо мне как о, скажем, Гарун-аль Рашиде или хотя бы простом арабском шейхе, простом, но, тем не менее, обладателе несметного количества верблюдов хурр, которые по утрам именуется мисбах – столь любят арабы своих верблюдов, любят и на каждое время дня имеют им разное название, о чем великолепнейшая знает, ибо некоторое время жила на арабском Востоке.

Имела место данная нашептанность, или некто передавал ее с

определенными помыслами – но глаза великолепнейшей лучились на меня уже при подходе к нам, и я, еще не зная ее, поверил ощущению, что на некоторое время принесу ей счастье. Ощущение, если забежать вперед, меня не обмануло. По крайней мере, кружение головы и учащенное дыхание я доставил ей своею, как она сумела найти, совершеннейшею наглостью. Она так и выразилась – уж поверьте мне, напрочь забитому и неказистому мужичонке, к тому же еще и без денег. Ведь позволила она себе появиться со мной в изысканном обществе и позволила себе быть не моим украшением, как то приняла мужчины, а быть украшенной мною, как то впервые нашли женщины. А перед этим позволила себе вычлнить меня из остального нашего брата, прекрасно зная, что, конечно же, я не Гарун-аль-Рашид или хотя бы просто шейх, и не обладаю несметным количеством верблюдов хурр, еще по утрам именуемых мисбах, – таковы уж любовь арабов к верблюдам, и великолепнейшая это знает, а другая женщина нет, ибо никогда не была на арабском Востоке. Головокружение и учащенное биение сердца у великолепнейшей длилось самое короткое время, потому что, повторяю, я поверил ей, а по женской логике, верить не имел права.

На вернисаже с этой великолепнейшей женщиной мы обменялись лишь парой фраз, потому что мужчины нашего круга – якобы деградированные – не дали нам сказать большего, и мы потерялись и разошлись, унеся друг о друге самые волнующие впечатления – мои о ней подлинные, а ее обо мне, если верить нашептанности, – мнимые. Если же не верить, то не знаю, какие. На другой день я позвонил первой, то есть другой женщине. Как водится, с минуту мы болтали о том, о сем, а затем я спросил про великолепнейшую.

– Скажите – спросил я, – могу ли я попросить номер телефона?..

– И я с благоговением произнес имя и отчество великолепнейшей, которые я успел вызнать на вернисаже до того, как мужчины нашего круга не дали нам сказать друг другу большего. – Могу ли попросить?

– А вы путаете ее отчество! – поправила меня другая женщина и назвала отчество великолепнейшей совсем иное, очень созвучное тому, какое я знал, но совсем иное.

– Да? – растерялся я, ибо увы мне было, деградированному и несправедливо вычлененному из сонма деградированного нашего брата, увы мне было забыть чарующую музыку ее голоса, когда она произносила свое имя, а затем, по моей просьбе, прибавляла к имени и отчество. Ведь я специально просил сказать отчество, потому что не нашел, чем еще хотя бы на миг задержать ее около себя, не дать моим друзьям дружную толпу увлечь ее куда-то туда, в залы, к полотнам, к автору – да куда угодно – лишь бы от меня, лишь бы себе.

И она, глядя только на меня и смущаясь, только мне сказала свое имя, прозвучавшее истинною музыкою, сказала, в то время как дружная толпа моих друзей оборачивалась вокруг нее, как оборачивается вокруг трепещущей красавицы бурка абрека. Она сказала имя и потом на мой обреченный вопрос – ибо я не знал, чем задержать ее около себя хоть на миг, – потом прибавила и отчество, столь же звучное и великолепное, что и имя. Она прибавила, и эта музыка донеслась мне вместе с последним лучиком ее смущения.

И вот надо же! И кто же поверит! Кто поверит в мое чувство, если она, великолепнейшая, говорила мне одно, а я, деградированный, слышал иное!

– Да? – растерянно спросил я сейчас другую женщину.

– Да! – всепонимающе и всепрощающе ободрила она меня, еще раз называя хотя и созвучное, но иное мужское имя, предназначенное быть отчеством великолепнейшей. – Именно так! И, разумеется, вы можете ей позвонить. Но еще лучше – вы приезжайте к нам сами! – она назвала час, в который я должен приехать, ибо в этот час великолепнейшая уже будет там, у этой другой, достойной всех лестных эпитетов женщины.

Надо ли говорить, на какого из верблюдов был похож я, мчась по уходящему в черный холодный вечер городу. «Только бы у вас хватило такта, – молил я другую женщину, – только бы у вас хватило такта не выдавать моей деградированности, не рассказывать, как я все напутал!» Я молил. Я мчался. Я летел – я, неказистый, забитый, к тому же без денег мужичонка. Я молил, я мчался, и был я стройным, быстрым верблюдом хурр, украшенным, несмотря на черный зимний вечер, чарующей утренней

зарей.

Меня встретили. Меня раздели и проводили в уютное кресло. Встретили, раздели и проводили две женщины – знакомая и незнакомая, то есть знакомая – другая, и незнакомая – ее подруга, изящная и мерцающая. Они принялись за мной ухаживать, готовить мне кофе, предлагать рюмку шарпантье и диск совершенно гениального композитора в умопомрачительной акустической системе, а также свежие проспекты зарубежных выставок с милым пересказом подробностей из частной жизни их авторов.

Смущенный таким вниманием и взволнованный предстоящей встречей, я как-то несколько при... ммм... ну, попросту говоря, при-о-ду-бел, что ли, – и именно только при... а не совсем о... и только лишь потому, что все-таки был я способен на некоторое ответное мычание, подвывание и поддакивание, что все-таки говорило о сохранении мною последних лучиков утренней зари, позволяющей мне быть не совсем о... а только при... И если честно, то точнее было бы это передать словом «при-о-по-пенился» – есть такой административно-хозяйственный термин: попенная плата, – означающий стоимость леса на корню и как бы не несущий в себе того смысла, каковой я хотел ему здесь придать. Однако в моем представлении это слово более всего подходило к испытываемому мной состоянию, и я его, наиболее подходящее, игнорирую исключительно лишь по неблагозвучию и несовместимости этого неблагозвучия с двумя прелестными женщинами. А потому – в ожидании великолепнейшей и от внимания двух прелестных женщин я несколько при-о-ду-бел. Я стал таким, что, конечно, кофе и шарпантье мы выпивамши, модный диск в умопомрачительной системе слушамши, проспекты листамши, прочие изысканности поддерживамши, однако от трепетного нашего ожидания великолепнейшей все-таки при-о-ду-бемши.

Обе прелестные женщины, чутко уловив мои метаморфозы, пытались из них меня вывести. Я их попытки видел, даже старался им помочь. Но толку от наших общих стараний не выходило. Я с каждой минутой деградировал, дубел, попенился. Минуты шли, а моей великолепнейшей не было. И через некоторое время я нашел храбрости спросить.

– Извините! – с наивозможнейшим обаянием спросил я. – Извините, но где же... – Я назвал великолепнейшую по имени и отчеству, конечно, исправленному отчеству, такому, как его мне сказала в телефон другая женщина.

Лучше бы было мне терпеливо сидеть и довольствоваться сущим. Ведь Бог уже дал и дал много. Он дал двух прелестных женщин. Зачем же еще спрашивать? Ну, кто бы из нашего брата, даже считавшегося деградированным, кто бы из нашего брата, мужчин, спросил! Такое сделал только я, окончательно о-ду-бевший и о-по-пенившийся. Я спросил. И после короткого замешательства увидел в глазах моих собеседниц тщательно скрываемый, но ничего мне хорошего не посуливший ответный вопрос.

– Как? – прочел я в глазах моих собеседниц.

Прочел, но, подобно верблюду хурр, быстрому и стройному покорителю мира от Кордовы до Хорезма, устремился только вперед, только к великолепнейшей.

– Так где же, – спросил я.

– Но!.. – с нарастающим возмущением взялась отвечать другая женщина.

А ее подруга, изящная и мерцающая, вдруг что-то начала понимать. Она начала понимать. А я, глядя на нее, ничего еще не начал понимать. Я лишь глядел и видел, сколько она, начав все понимать и теряя от этого в своем мерцании, тем не менее, продолжает оставаться прелестной. Какие удивительные творения наши женщины, воистину божии!

Вот это – об удивительности наших женщин – я начал понимать, а всего остального – нет. И не я один всего остального не начал понимать. Другая женщина тоже не начала понимать. Мы вместе ничего не начали понимать. А она, изящная и мерцающая, хотя и теряющая в мерцании, уже все начала понимать. Да и было что понимать.

– Так где же? – спросил я со всею моею деликатностью.

– Но!.. – ничего не понимая, с нарастающим возмущением взялась отвечать другая женщина и через некоторое время ничегонепонимания показала на изящную и мерцающую свою подругу. – Но разве вы не видите?

А она, изящная и мерцающая ее подруга, уже все понимая и уже

теряя в своем мерцании, она, тем не менее, нашла сил оставаться прелестной. Более того, она нашла сил утешить меня. Сначала она нашла сил понять меня, а потом дополнительно нашла сил утешить.

– Не переживайте, – сказала она участливо, но дрогнувшим голосом. – Не переживайте. Вы обязательно увидите с... – Она произнесла имя и отчество великолепнейшей так, как я на вернисаже услышал от самой великолепнейшей.

Да, божи создания наши женщины.

Стоит ли говорить о сем курьезном вечере далее? Ну, велика ли вина другой женщины в том, что у нее оказались две прелестных подруги с одним и тем же именем и лишь немного разнящимися отчествами, и она по женской своей щедрости представляла мне великолепнейшую, а думала, что представляет изящную и мерцающую, представляла мне, скажем, НН, а думала, что представляет НМ. Ведь женщина хотела сделать как лучше. К тому же она могла и не считать, что все русские мужчины нынче деградированные. По крайней мере, до этого вечера.

Стоит ли говорить еще? Тем более, что вскоре моя великолепнейшая меня из этой нашей русско-мужской деградированности вычленила. И я поверил. И тотчас же был наказан. Ибо утро проходит быстро, хотя бы и на арабском Востоке. И пасущийся на утренней заре верблюд мисбах совсем не обязательно днем превращается в быстрого и стройного верблюда хурр. Кроме него в ряду других арабы знают верблюда рахуль – громоздкого, неуклюжего, способного нести только большие тяжести.

Арсен ТИТОВ. Neкаýalar